

Татьяна Виноградова

ЩУ-ЩА

Я боюсь бога.
Он такой большой и старый.
Его ум выжжен,
его тишина полна врагов.
Он смеётся.

Я смотрю на заметаемый миром снег,
слушаю бездонную тишину
южнобутовской декабрьской ночи,
думаю о том, что такое "думать ни о чём"
и стараюсь ни о чём таком не думать.

Но вместо благословенной Остановки Ума
в нём, в извечном этом мальстрёмике,
(в крайнем затхлом прудике),
всплывают-выплывают расписные
огрызки, обмылки, ухмылки воспоминаний,
вонзаются в голову голодными иголками,
и от них в ушах зависает тоненький звон,
и хочется уже, чтобы за окнами разверзлись
бульдозеры, компрессоры,
и прочие убойные отбойные молотки.

Но нет, нет.
Тишина южнобутовской ночи неумолима.

Снежная замять заносит мне память,
зимние мысли выносят мозг —
погулять, полежать на
свежеоснежёванном занеженном тротуарчике,
подождать, пока по скомканному комнатному серенькому коврику,
пройдутся выбивалкой,
распрямят и разглядят, разглядят и разберутся...
Повыбить бы из него, из этого мёрзлого мозга,
остатки вот этого вот всего.
Повыбить бы раз и навсегда!

...Свет серыми полотнищами реет в рапиде,
они развеваются, они собираются
красивыми замедленными мега-нега-складками —
вокруг фонарей снаружи, вокруг лампы внутри,
полчища полотнищ — о чём-то лепечут,
о ком-то трепещут, кого-то ищут,
чего-то ощущают, щу-ща, щу-ща!

"Одиночество ночи" — банальная рифма.

Серое, серое, серое —
нависает, настаивает, настаёт,
серпом срезая серотонины,
слизывая звёздочки радости,
воздвигая неприметную, но непреодолимую
преграду, нет, ограду, нет, оградку —
ту, за которой — камешек и скамеечка,
чтоб приходили на Пасху ставить себя на паузу
те, которые ещё не щу-ща...

Снег уже совсем-совсем серый
в старом свете смурных фонарей...
Отрицая мир, я не отрицаю снег.
Снег дарит холодную ясность —
покуда его не истоптали, не очернили, не осквернили
антигололёдными реагентами,
пока он сам, добровольно, не стал из кипельного — пепельным,
мимикрировав под мокрый асфальт
через цвета (побе)жалости
(убежавшая душа, антрацитовые антраша...)

Тишина продолжает зеркально звенеть.

Сейчас
бог
опять
начнёт
смеяться.